

А.А.Щелчков

Хайме Гусман, гремиализм, наследие диктатуры в современной чилийской политике

Движение, получившее название гремиализм, представляло собой «новых правых», предлагавших осуществить революционные изменения в обществе, благодаря которым должна была быть исключена вероятность возвращения к власти левых, марксистских партий. Сегодня на политической сцене Чили важное место занимает наследница гремиалистского движения партия Независимый демократический союз (*Unión Demócrata Independiente, UDI*). *UDI* стала политической силой, опиравшейся на широкие народные массы, что сильно отличало ее от других правых. Целостность доктрины и политическая последовательность обеспечили *UDI* выживаемость на политической сцене. В данной статье представлены анализ идеологической эволюции гремиалистского движения, идейная и политическая деятельность его основателя и лидера Хайме Гусмана — автора пиночетистской конституции 1981 г. Х.Гусман и его сторонники последовательно проводили в жизнь принципы субсидиарности государства и новой институциональности, принятые на вооружение военной диктатурой Аугусто Пиночета и ставшие основой политической и социальной системы Чили.

Ключевые слова: гремиализм, субсидиарность, корпоративизм, Пиночет, Хайме Гусман, правые силы.

DOI: 10.31857/S0044748X0020408-7

Статья поступила в редакцию 21.01.2022.

Последние политические события в Чили, народные волнения 2019 г., конституционная ассамблея, выборы 2021 г. повлекли за собой кризис и перестройку на правом фланге, который в этой стране отличается большим идейным разнообразием. Важной частью этого политического сектора является гремиалистское (от исп. *gremio* — цех) движение, партия Независимый демократический союз (*Unión Democrática Independiente*,

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, 119334 Москва, Ленинский пр., 32 а, sch2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7780-781X>).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-00103 «Правый радикализм и фашизм в Латинской Америке в XX в.», <https://rscf.ru/project/22-28-00103/>.

UDI), показавшее свою силу и выживаемость в меняющемся политическом ландшафте Чили. *Гремиализм* как одно из старейших политических движений страны возник в 1960-е годы и серьезно повлиял на идейное обновление всего правого политического фланга.

Данная статья посвящена эволюции гремиалистского движения, представляющего собой существенную силу на правом фланге чилийской политики. В отечественной историографии при анализе диктатуры Аугусто Пиночета (1973—1990) и ее наследия ученые сосредотачивали свое внимание на неолиберализме, а идейный и политический вес собственно гремиалистов в значительной степени игнорировался. Еще меньше изучалось текущее положение дел в этом течении современных правых. Данная работа призвана по возможности восполнить этот пробел, что особенно актуально ввиду переформатирования всего правого фланга в Чили после победы на выборах радикальных левых сил во главе с Габриэлем Боричем (11 марта 2022 г.).

В своем исследовании автор опирался на методологию многофакторного анализа политических движений и формирования идеологических построений. Для анализа правой мысли и политической практики в Чили уместны политологический и культурологический методы, метод исторической социологии, концепции национализма в истории (Чарльза Тилли и Крейга Калхуна), культурного капитала и символического насилия (Пьера Бурдьё), теории утопии в формировании партийности (Карла Мангейма, Мелвина Ласки), методологии, сочетающие теорию «коллективного воображаемого» и создания «воображаемых сообществ» в применении к партийным и социальным сетевым и вертикальным связям.

Основателем и главным идеологом гремиализма является Хайме Гусман (1946—1991 гг.) — последователь корпоративистов, консерваторов-испанистов Хайме Эйсагирре и Освальдо Лиры [1, р. 262], яркий публицист и политик. Чилийский исследователь Хосе Мануэль Кастро писал: «Хайме Гусмана можно охарактеризовать скорее не как интеллектуала, а как политика, который в своих поступках исходит из интеллектуального осмысления ценностей и концепций» [2, р. 13]. Он был всегда последователен в политической реализации своих убеждений.

В 1966 г. Гусман со своими соратниками — студентами Папского Католического университета — создал Гремиалистское движение (*Movimiento gremialista, MG*), противопоставившее себя объединениям студентов по партийным предпочтениям [3, р. 290]. Гремиалисты представляли собой «новых правых», которые возникли как реакция на кризис традиционных правых партий и реформы, проводившихся демохристианским правительством в 1960-е годы. Гремиалисты активно участвовали в «университетской революции» 1967 г., руководящую роль в которой играли демохристиане, требовавшие кардинальных изменений во внутренней жизни этого самого консервативного университета страны. Хотя большинство шло за демохристианами, настаивавшими на введении студенческого самоуправления, гремиалисты были против, выступая за деполитизацию студенческого движения [1, р. 265].

В этот бурный период в марте 1967 г. *MG* опубликовало свою Декларацию принципов. В ней подчеркивалось, что его главный принцип — депо-

литизация студенческого движения как посреднической организации в смысле католической доктрины субсидиарности государства*. В документе ставилась задача превращения *MG* в главного субъекта студенческого движения при вытеснении из него партийно ориентированных групп [4, p. 89].

Первым результатом деятельности *MG*, благодаря его новизне, идеализму, осуждению традиционной политики, позиционированию как «авангарда свободы», стала победа на выборах в Студенческую федерацию Католического университета (*La Federación de Estudiantes de la Pontificia Universidad Católica de Chile, FEUC*) в 1968 г. [5]. Эта была единственная студенческая федерация, не находившаяся в те годы под контролем марксистских групп. Гремиелисты представляли на правом фланге такое же поколенческое явление, называемое в чилийской литературе руптуризмом (от исп. *ruptura* — разрыв), а по сути, революционное нетерпение, которое на левом фланге было представлено маоистами, миристами (прокубинские леваки), левыми демохристианами, также отвергавшими традиционные партии. Особенностью этого нового поколения чилийских правых было то, что они не искали своего места в существующих правых партиях, а стремились к иным формам политической борьбы.

MG рассматривало социальную структуру как конструкцию, состоящую из посреднических организаций, находящихся между государством, политикой и простыми людьми, исключавшую идеологическое влияние какой-либо партии на их деятельность, то есть основанную на принципе аполитичности [6, p. 1]. Гусман определял гремиелизм как «идейное движение, стремящееся укрепить автономию общинных посреднических структур — профсоюзов, цехов (*gremios*), предпринимательских, молодежных организаций и пр., — основываясь на принципе субсидиарности государства как ключевого принципа для подлинно свободного государства» [7, p. 124]. Посреднические организации, по словам Гусмана, действуют в пространстве между семьей и государством, имея полную автономию, но ограничены именно этой сферой, ради которой они и создаются людьми по территориальному (районные, квартальные и пр.) или по профессиональному признаку (цеха, ассоциации). И здесь не нужны идеология и политика, ибо задачи иные [8, pp. 47-48].

Созданное Гусманом гремиелистское движение в соответствии с концепцией субсидиарности противопоставляло себя политическим партиям и движениям, в том числе и правым, ибо заявляло о своих устремлениях завоевать «социальную власть», а не политическую. Принцип субсидиарности противопоставляется угрожающему тоталитаризмом коллективизму и крайнему индивидуализму, превращаясь в принцип сохранения свободы, а государство должно за-

* Принцип вспомогательной функции государства, введенный в оборот Первым Ватиканским собором (1869—1870 гг.), связан с идеей децентрализации, решения социальных вопросов не на государственном, а на частном, низшем, базовом уровне, что в интерпретации правых, в том числе и чилийских, предполагает второстепенность интересов государства перед частным предпринимательством, ликвидацию централизованных механизмов социального государства, антиэтатизм, аполитичность. Государство играет лишь вспомогательную роль и только там, где автономные (посреднические между индивидом и обществом) организации не справляются.

щищать «общее благо». Для Гусмана этот принцип был проявлением свободы как основы функционального и органического общества [9, р. 133].

Политическим идеалом Гусмана была формула — сильное государство и свободное общество [10, р. 25]. Субсидиарность не предполагала существования «государства-полицейского», охраняющего свободу и собственность предпринимателя, а исходила из принципа справедливости. Гусман предлагал моральную трактовку subsidiarности: человек по своей природе свободен, а задача государства поддерживать это [11, р. 101].

Гремиалисты и их идейные лидеры — в отличие от прагматических традиционных правых в Чили — большое внимание уделяли идеологии не только в борьбе с левой, марксистской перспективой общественного развития, но и для создания философских, мировоззренческих основ для иной общественной модели. Правый сектор чилийской политики получил в лице гремиалистов массовое (в тот момент молодежное) движение нового типа, наступательное и современное, не выступавшее за пассивное сопротивление любым переменам, а приветствовавшее таковые, если они носили технологический и прикладной характер. В конце 1960-х у гремиалистов сложились хорошие отношения с экономистами-неолибералами, вошедшими в историю как «чикагские мальчишки». Союз гремиалистов и неолибералов стал политической основой диктатуры Пиночета.

После прихода к власти Сальвадора Альенде (1970—1973 гг.) гремиалисты Гусмана, традиционные и даже ультраправые из националистического Фронта Родина и свобода (*Frente Nacionalista Patria y Libertad, PyL*) объединили свои усилия в борьбе с марксистской угрозой, причем идеологическое первенство в этом союзе осталось за гремиалистами. К гремиалистам присоединились не только студенты, но и транспортники, ставшие ударной силой борьбы с социалистическим правительством, горняки, торговцы, забастовки которых привели к экономическому и политическому кризису правительства Народного единства. Гремиалисты уже тогда говорили о новой институциональности, которая должна прийти на смену не только правительству Альенде, но и всей системы Конституции 1925 г., позволившей марксистам прийти к власти [12, р. 201].

Гусман тогда был склонен занимать самые радикальные политические позиции, вплоть до откровенно профашистских. Французский социолог Ален Турен, находившийся в Чили в начале 1970-х годов, так описывал его: «На меня большое впечатление произвел некто Гусман, журналист и профессор конституционного права в Католическом университете. Я никогда не видел подобного человека в этой стране. Он напугал меня: в самые критические периоды появляются такие чудовищные фигуры. Он был охвачен холодной страстью, вооруженной фальшивой логикой. Это — тип инквизитора, а его внешний вид, бледность напоминали молодых фашистов до войны. Не знаю, входит ли он в какую-нибудь подпольную экстремистскую группу. В любом случае он мог бы быть лидером таковой. Видно, что он принадлежит миру фашистского фанатизма» [13, р. 69]. Звезда Гусмана и его движения возшла после переворота Пиночета.

ГРЕМИАЛИЗМ И ПЛАНЫ ПЕРЕУСТРОЙСТВА ЧИЛИ ПОСЛЕ 1973 Г.

Через шесть месяцев после переворота, 11 марта 1974 г., военное правительство опубликовало «Декларацию принципов правительства Чили». Гусман совместно с Энрике Кампосом Менендесом и своим учителем, священником Освальдо Лирой, редактировал этот программный документ [3, pp. 290-291]. Если сразу после переворота военные настаивали на своем стремлении восстановить демократию и порядок, то Гусман убеждал Пиночета в необходимости нового типа институциональности, нового политического строя [14, p. 51]. В «Декларации» 1974 г. были четко обозначены контуры новой институциональности, главным принципом которой была субсидиарность. В документе провозглашались децентрализация и деполитизация новой модели государственности: «Главное отличие новой институциональности состоит в децентрализации власти как территориальной, так и функциональной, что позволит стране двигаться к технифицированному обществу и к подлинному общественному участию» [15, p. 154].

Вплоть до принятия Конституции в 1981 г. Гусман говорил о новом политическом строе и необходимости перехода от прямого, авторитарного, диктаторского правления к новым институтам власти и «ограниченной» или «опекаемой» демократии [16, с. 120]. В этом он противостоял не только демократам и противникам режима, но и активно боролся с теми его сторонниками, кто предлагал консервацию существующей диктатуры Пиночета [17, p. 343].

Для политической поддержки режима *MG* в 1975 г. создало Молодежный фронт национального единства (*Frente Juvenil de Unidad Nacional, FJUN*), сделав акцент на будущее, на поддержку новой институциональности и новой экономической модели, желая подчеркнуть свою опору на молодежь, на новое поколение чилийцев [18, pp. 23-24]. Гремиеалистам был передан Национальный секретариат молодежи (*Secretaría Nacional de la Juventud, SNJ*), ставший государственным органом пропаганды режима не только в молодежной среде. *MG* проводило большую работу в бедных районах, создавая сети «посреднических организаций» и решая частные и местные проблемы, пользуясь влиянием во власти. Военные назначали гремиеалистов на посты мэров (алькальдов). Работая в бедных районах, гремиеалисты обращались к социальной верхушке этих кварталов, а по сути — к среднему классу, т.е. к местным торговцам, владельцам небольшого бизнеса и пр.

После переворота 1973 г. перед военными и правыми стояла задача сформулировать параметры новой институциональности, новой политической системы. Результатом работы над решением этой задачи идеологов и практиков режима во главе с Гусманом была разработка текста новой конституции. Для этой цели была создана комиссия Энрике Ортусара, ведущую роль в которой играл Гусман. Чилийский литератор Артуро Фонтайне отмечал, что тот был более политиком, нежели мыслителем [19, p. 251]. Гусман обладал тонким политическим чутьем и сделал свой идейный выбор вслед за военными, предпочтя «чикагских» неолибералов и отвернувшись от старых соратников — корпоративистов и националистов. Именно благодаря этому выбор Пиночета выбрал его для построения идейной базы нового режима.

Объявленная военными политическая «пауза», временное прекращение деятельности всех партий, в том числе и правых, не коснулась гремиалистов, которые продолжали активную деятельность в Католическом университете, ибо режим нуждался в постоянной мобилизации политической и социальной поддержки, особенно среди молодежи, студенчества. Гусман, которому было всего 27 лет, стал идеологом нового режима.

В июле 1974 г. неолибералы пришли в правительство Пиночета, положив начало слиянию всех правых, старых корпоративистов и гремиалистов под твердой опекой военного режима. Неолиберальные рецепты экономических реформ были приняты гремиалистами. Гусман, ранее резко критиковавший не только десарролистские и марксистские модели экономики, но и либеральный капитализм с точки социальной доктрины католической церкви, уже не противопоставлял корпоративизм неолиберализму, убеждая в необходимом сочетании последнего с субсидиарным государством. Субсидиарность, по убеждению Гусмана, не действовала автоматически: для ее реального функционирования было необходимо сильное государство, которое обеспечило бы «свободу» и «общее благо» [11, p. 116].

MG проповедовало деполитизацию, что совпадало с желаниями военных установить «перерыв», ликвидировав традиционную политическую борьбу, в которой в течение второй половины XX в. побеждали левые, марксистские силы. Гремиалисты видели в этом «перерыве» возможность для создания новой политической ситуации с привлечением самых широких масс на сторону нового режима, не предполагавшего существования традиционной политики и партий.

Гремиалисты не отказывали в существовании партиям и политическим движениям, но четко определяли, что те могут и должны бороться за власть в государстве, ни при каких, однако, обстоятельствах не вмешиваться в деятельность «посреднических организаций», деполитизация которых является гарантией свободы граждан. Они видели опасность возврата к деструктивным политическим тенденциям в обществе, если политическая борьба будет перенесена в народные массы [6, p. 5].

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ГУСМАНА — НОВАЯ ИНСТИТУЦИОННОСТЬ

Гремиалисты организовывали массовые мероприятия в поддержку режима и лично Пиночета в виде фестивалей. Важнейшие из них проходили в Чакарильяс, в парке в Сантьяго, где в 1977 г. диктатор произнес одну из своих главных речей, обозначивших путь к новой институциональности, «новой демократии». Акции в Чакарильяс напоминали фашистские парады и съезды времен Бенито Муссолини*.

В этот период гремиализм отошел от корпоративистских тезисов. Как отмечал в своих воспоминаниях руководитель *MG* Игнасио Астете, до этого в своей деятельности они вдохновлялись примером франкистской Испании. Затем акценты сместились [18, p. 70]. Теперь речь шла об «авторитар-

* Во многом такое впечатление складывалось объективно, так как устроителем этих фестивалей в Чакарильяс был архитектор, происходивший из семьи последователей Муссолини, прибывших в Чили после Второй мировой войны.

ной, защищенной, интегративной, технической демократии подлинного социального участия», что стало основой Конституции 1981 г. [5].

Для Гусмана демократия состояла не в избранном представительстве народа, а в реализации принципа «всеобщего блага», ставшего краеугольным камнем его концепции новой институциональности. Гусман настоял на включении в проект Конституции понятия «общего блага» как цели государства. Его понимание отличалось от трактовки либералов и коллективистов. В первом случае речь идет о сумме интересов индивидуумов, а во втором интересы индивидуума растворяются в коллективной сущности. «Общее благо» Гусмана состояло в том, что государство должно было создать условия, при которых деятельность индивидуумов и групп сливаются и взаимно поддерживаются в интересах всего сообщества [11, p. 104].

«Декларация» 1974 г. подчеркивала различия между политическим суверенитетом и социальным суверенитетом, резервируя для Хунты (верховой власти) первый, с диктаторскими функциями, что было реализацией «королевских прерогатив» в терминологии К. Шмидта [20, p. 116]. В документе подчеркивалось: «Политическая власть или право принимать решения по вопросам, имеющим общий интерес для всей нации, является функцией правительства страны. Социальная власть, наоборот, должна пониматься как способность принимать решения посредническими формированиями общества для развития законных интересов автономий для достижения их специфических целей, обогащая тем самым действия политической власти... Цель — обеспечить деполитизацию всех посреднических сообществ между человеком и государством» [15, p. 154]. Государственное же управление оставалось зарезервированным за элитой, представленной партиями, разделявшими ценности христианской цивилизации.

У «новой демократии» были следующие характеристики: авторитаризм (сильная президентская власть), интеграция общества вокруг национальных чилийских ценностей, технократическая власть, демократия «подлинного социального участия», основанная на принципе субсидиарности государства и социального суверенитета нации, антипартийного и аполитического по существу. Все эти политические принципы новой институциональности позволяли сохранить неолиберальный экономический порядок и навсегда исключить этатистские потуги левых [21, pp. 136-138].

«Новые правые» в лице гремистов в течение 1970-х годов под воздействием обстоятельств и целеполагания военного правительства эволюционировали от католического традиционализма к корпоративизму и неолиберализму. В самом правительстве позиции и влияние корпоративизма имели недолгую историю и были очень быстро вытеснены неолиберализмом как основой идеологии [22, p. 64]. Первоначально, до конца 1970-х, Гусман защищал корпоративистские позиции по политической реформе, но затем с началом радикальных неолиберальных реформ его взгляды на политическое устройство также претерпели «неолиберальную» трансформацию. Он испытал на себе не только влияние испанизма, корпоративизма, крайне спорных взглядов Карла Шмитта, но и австрийской экономической школы Фридриха Августа фон Хайека [23, pp. 107-108]. Под влиянием идей фон Хайека защита капитализма Гусманом превратилась в защиту именно либерального капитализма.

Гусман утверждал, что всеобщее избирательное право хотя и неизбежно, но должно быть ограничено «принципами» чилийской самобытности, что изначально исключало марксистские идеи. Он считал всеобщее избирательное право лживой заменой народного суверенитета, в основе которого лежат исторические традиции и вековые духовные связи народа, нации [20, р. 11]. К тому же Гусман допускал переход к ограниченной демократии только после того, как общество достигнет определенных экономических успехов, и все оно будет чувствовать связь с господствующей системой, со свободным, ничем не ограниченным рынком. Идеологи военных говорили не только о необходимости временного приостановления деятельности политических партий, но и даже о переформатировании партийной системы в рамках новой модели государства [24, р. 28].

Гусман рассчитывал оттянуть возвращение к партийной системе, и, будучи энтузиастом развития таких «посреднических организаций», как *FJUN*, не рассматривал их как нечто, что может прийти на замену старым партиям и составить основу новой институциональности. *FJUN* фактически был прообразом «единственной партии» в рамках однопартийной диктатуры, но формально таковой не стал, хотя *MG* был самой близкой к власти политической силой [18, р. 152]. Гремиалисты считали, что время для «новой демократии» еще не пришло, и военные еще неопределенно долгое время должны были оставаться у власти, оздоравливая страну, ее экономику и политику.

СОЗДАНИЕ ПАРТИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ТРАНЗИТА

Будущая чилийская демократия, которой могли угрожать эксцессы и неожиданности, вызванные всеобщим избирательным правом, должна была быть защищена [25, р. 504]. Гусман считал необходимым принять меры, которые не позволили бы большинству вновь злоупотребить демократией и привести к власти левых. Такими мерами в новой Конституции были запрещение компартии и создание института назначаемых, а не избираемых сенаторов. Переход к новой демократии должен был обеспечить военный режим, который он называл «преддемократическим» [21, р. 158]. Гусман не считал возможным восстановление демократических выборов, пока не будут созданы новая социальная система и психологическая атмосфера неприятия левых идей как таковых.

Проект Конституции, фактическим автором которой был Гусман, предусматривал ограниченный политический плюрализм, исключавший возможность легального существования марксистских партий. Принципы, изложенные Гусманом в «Декларации» 1974 г., были положены в основу этого проекта [3, р. 298]. После того, как Государственный совет внес в документ переходные положения, новая Конституция была принята на плебисците 1980 г. 65,71% голосов (вступила в силу в 1981 г.).

В годы кризиса 1980-х Пиночет сделал выбор в пользу старых консерваторов, и ставка на силу привела к ослаблению влияния гремиалистов. С определенного момента отношения властей с *MG* стали враждебными. Первые начали предпринимать усилия для формирования правой политической силы, способной стать опорой режима, считая *MG* несостоятель-

ным. Эти обстоятельства подтолкнули гремиалистов к ускорению формирования собственной партии. Еще в 1979 г. они создали группу политического давления Новая демократия (*Nueva democracia*) во главе с Хавьером Летурией. Эта группа мыслилась как «интеллектуальный центр», продвигавший принципы новой институциональности. Гремиалисты не ставили цель превратиться в массовую партию, а ограничились узким кругом близких Гусману людей; всего было привлечено 23 человека [18, p. 135]. Идея создания партии появилась позже, когда отношения гремиалистов с правительством при министре внутренних дел Серхио Харпе изменились, и на повестку дня встал вопрос реального транзита. К тому же в 1983 г. стал очевидным рост протестов против диктатуры, а гремиалисты потерпели поражение даже в студенческом движении, которое они рассматривали как свой прочный тыл.

Перед лицом усилий Харпы по созданию новой правой партии в 1983 г. возник гремиалистский Независимый демократический союз (*Unión Democrática Independiente, UDI*). Создание партийных структур, выходящих за рамки студенческого, молодежного движения, было вызвано процессами возможного транзита, но не в последнюю очередь и возрастными проблемами: многие гремиалисты, уже давно выйдя из студенческого и молодежного возраста, стремились к объединению в официальное движение, саму возможность существования которого прежде решительно отвергали.

В «Декларации принципов» *UDI* повторялись тезисы, изложенные в правительственных документах и проекте Конституции 1980 г. Среди прочего в ней указывалось, что члены *UDI* придерживаются следующих принципов: идея общего блага как цель и задача государства; субсидиарность государства как основа его функционирования; «стабильная и эффективная демократия» (т.е. ограниченная и защищенная демократия, включавшая запрет марксистских партий и движений); приверженность гремиализму как принципу внепартийного социального участия; экономика свободного рынка; частная инициатива в области здравоохранения, образования, социальной защиты; борьба с бедностью; децентрализация и регионализация управления; признание особой роли армии в политической жизни [18, p. 160].

В условиях острого социального и политического кризиса министр Харпа стал вести переговоры с оппозиционным Демократическим альянсом (*Alianza Democrática, AD*), требовавшим ускорить транзит. Ставился вопрос о созыве парламента. *UDI* поддержал эту идею, но настаивала не на выборах конгресса, а на назначении депутатов по соглашению властей и умеренной оппозиции. Учитывая, что последняя не принимала этот вариант, Гусман выступил за назначение депутатов правительством и их легитимацию через плебисцит. Все эти планы транзита были похоронены в ноябре 1984 г. с объявлением осадного положения и новой волной репрессий. В 1986 г. *UDI* принял документ «Чили сегодня», в котором настаивала на необходимости подготовить транзит, сохранив идею ограниченной демократии, в то время как правительство было уверено в победе на референдуме 1989 г.

Гремиалисты проявляли большую обеспокоенность проблемой транзита, так как боялись резкого перехода к полной демократии, что считали несвоевременным. Они настаивали на политике реализации ограниченной демократии, где марксистские (по их терминологии «тоталитарные») пар-

тии и движения были бы полностью исключены из политической жизни. Гремиалисты соглашались с открытием страны для политических мигрантов, которые, тем не менее, должны были быть лишены политических прав [18, p. 262].

В ходе переговоров и планов транзита встала проблема наличия сильных правых партий в политике. Была создана правая провластная партия Движение национального союза (*Movimiento de la Unión Nacional, MUN*), в которой преобладали старые консерваторы-националисты, недовольные преобладанием гремиалистов [17, pp. 331-332]. Их поддерживал министр Харпа. В июле 1984 г. была образована Группа восьми (*Grupo de los Ocho*), координационный центр правых партий и движений, в том числе и *UDI*.

В 1987 г. традиционные правые обратились к *UDI* с призывом создать единую правую партию, чего сделать не удалось. В 1987 г. правые объединились в движение Национальное обновление (*Renovación nacional, RN*). Гремиалисты сначала участвовали в процессе, но затем вышли из *RN* после конфликта этой партии с Гусманом и его исключения из нее. Впоследствии уже на первых выборах 1989 г. гремиалисты долго сопротивлялись, но в последний момент все-таки заключили предвыборный пакт с *RN*, а в дальнейшем эта политика была безальтернативной из-за избирательной биномиальной системы, дававшей преимущества большим партийным объединениям.

Только после плебисцита 1988 г. *UDI* зарегистрировалась как политическая партия. Гремиалисты должны были преодолеть некоторое идеологическое и принципиальное противоречие, изменив свой привычный дискурс. Партия создавалась теми, кто все предыдущие десятилетия отрицал политизацию и политику как таковую, резервируя для себя посреднические, аполитичные общественные организации. Намерение стать партией и участвовать в политике оправдывалось противостоянием марксистской опасности.

После поражения диктатуры на плебисците и с началом демократического транзита гремиалисты должны были трансформировать свою структуру, свести счеты с прошлым, переформулировать задачи партии на период транзита, а главное — выжить в новых условиях как самостоятельная и оригинальная политическая сила. После поражения на плебисците *UDI* поддержала поправки к Конституции, которые означали отход от «защищенной демократии», заявив, что этот период уже пройден, а общество готово к полной демократии [26, p. 156]. Однако эти поправки означали поражение Гусмана и гремиалистов, так как многие положения «защищенной демократии» были изменены: сокращены полномочия Совета безопасности, увеличено число сенаторов, что снижало значение пожизненных сенаторов, отменены положения о проскрипции марксистских партий.

На выборах 1989 г. *UDI* получила 9,82% голосов и провела только 11 депутатов и 2 сенаторов, в их числе был сам Гусман. Сенаторы *UDI* прошли только благодаря особенностям биномиальной системы, так как стали третьими в своих округах.

Большой удар партия получила в 1991 г., когда был убит Хайме Гусман, ее бесспорный и авторитетный лидер и идеолог (это был акт революционного действия левых радикалов, Фронта Мануэля Родригеса (*Frente Patriótico Manuel Rodríguez, FPMR*) [27, p. 7]. В июне 1991 г. *UDI* провела съезд, на котором должны были быть очерчены общие рамки доктрины

партии и сформулирована политическая программа. Партия определяла себя как «народная», то есть как «интегрирующая структура» всего народа без разделения на классы и слои [28, р. 59]. «Народность» идеологии состояла в защите свободы и христианских ценностей, а в политике объяснялась работой по интеграции всей нации вне зависимости от классовых различий. Этот «народный» характер партии должен был отличать *UDI* от других чилийских правых. *UDI* приняла тезис о демократии как самой приемлемой и традиционной для чилийского народа форме правления, но ее конкретное выражение, определенное Конституцией 1981 г., противопоставлялось режиму, существовавшему до 1973 г. [29, р. 203].

Одной из характерных черт *UDI* является стремление сочетать неолиберализм в экономике и консерватизм в сфере декларируемых ценностей. Соответственно, государство не должно принимать на себя несвойственные ему функции в области экономики и социальной жизни, которые общество было способно реализовывать автономно, так как большая часть жизни общества связана с частным бизнесом, с деятельностью индивидуумов, а не власти. *UDI*, сделав ставку на мобилизацию низов, в большей степени обращалась к католическим ценностям, которые всегда провозглашала, но в период диктатуры это сочеталось со сложными отношениями церкви и режима из-за правозащитной позиции первой. Католический фундаментализм был ярко выражен, но органически гремиалисты были больше связаны с *Opus Dei*, чем с епископатом Чили.

UDI смогла создать определенную базу среди населения. Основатель партии, Гусман, в какой-то степени восхищался своим главным врагом — коммунистами. Он отдавал должное дисциплине, сплоченности компартии, ее глубоким корням в чилийских народных массах. Отсюда — его стремление создать правую альтернативу с прочной структурой и дисциплиной, мощной народной поддержкой [14, р. 52]. При помощи военного режима гремиалистам удалось выйти за пределы привычного для них студенческого движения, перейдя к работе в бедных кварталах, конкурируя там с левыми партиями. Этот шаг — обращение к низам как к своей потенциальной базе — сам по себе очень сильно отличал гремиализм от «старых» правых в Чили.

В 1992 г. партия приняла программу «*UDI* на земле», согласно которой как структура, так и деятельность организации ориентировались на мобилизацию низов, на внимание к текущим проблемам жителей бедных районов и сельской местности. Был сформирован «Департамент поселений», который по примеру студенческих организаций гремиалистов успешно создал сеть комитетов в «поселениях», бедных районах (до 20 человек). Руководители комитетов напрямую были связаны с руководством партии, получая большую поддержку от студенческих и интеллигентских групп гремиалистов. Главный дискурс этого движения состоял в традиционном для них тезисе «деполитизации» — простота, деидеологизация, прагматизм. Они делали ставку на решение конкретных бытовых, социальных и культурных проблем, что не могло не найти отклик.

После смерти Гусмана партию возглавил Хоакин Лавин, популярный алькальд коммуны Лас-Кондес в Сантьяго. Хотя в течение 1990-х *UDI* оставалась на втором месте по электоральному влиянию в правом блоке с

RN, ее влияние неуклонно возрастало. На выборах 1997 г. *UDI* получила значительное число голосов и провела серьезную фракцию в конгресс. На президентских выборах 1999 г. Х.Лавин возглавил коалицию правых партий, находящихся в оппозиции левоцентристской коалиции, правившей Чили после восстановления демократии. Лавин считал, что страна устала от левоцентристов, находившихся у власти уже десять лет. Он обещал решить проблему преступности, вывести из застоя здравоохранение и пр. Главный же лозунг был вполне гремиалистским: «Сделать из страны большой муниципалитет!», — что опиралось на вполне успешный опыт Лавина, находившегося на посту алькальда [18, p. 316].

Лавин занял второе место, уступив кандидату левоцентристской коалиции *Concertación* Рикардо Лагосу, с 48,69% голосов. На муниципальных выборах 2000 г. *UDI* завоевала порядка сотни муниципалитетов, предлагая распространить по всей стране стиль и управления Лавина в Сантьяго. *UDI* тогда стала самой крупной партией по результатам выборов, получив более 25%.

Партия позиционировала себя как наследницу успехов военного режима в области экономики, привлекая к себе весь правый и правопопулистский электорат и значительно опережая правоцентристов *RN*. При этом всегда подчеркивалась поддержка Пиночета и не отрицалась причастность к военному режиму. Одновременно с этим *UDI* стремился отмежеваться от печального наследия военных, прежде всего в области нарушений прав человека. В 2003 г. партия приняла документ «Мир сегодня», в котором излагалась позиция равного осуждения насилия справа и слева, содержался призыв к национальному согласию. Нарушения прав человека во времена диктатуры решительно осуждались [26, p. 157]. Тем не менее в дискурсе *UDI* не произошла «депиночетизация», а военная диктатура не характеризовалась как таковая, а подавалась как форма «движения к демократии», реализованная параллельно с реформами, создавшими современную успешную модель экономики. *UDI* четко отделяла фигуру Пиночета и сам военный режим от «эксцессов» нарушений прав человека, в чем обвинялись конкретные исполнители. Вплоть до сегодняшнего дня партийная идентичность *UDI* связана именно с годами диктатуры, включает в себя оправдание последней, уважение к личности Пиночета при «сожалении» о нарушениях прав человека [18, pp. 306-307].

В 2008 г. впервые внутри партии были проведены выборы руководства. Были представлены два списка, один из которых возглавлял Хосе Антонио Каст, представлявший новое поколение гремиалистов. Однако он потерпел поражение. В 2010 г. ситуация повторилась, и Каст вновь проиграл выборы. Новое поколение гремиалистов было более консервативно. Они жестче защищали неолиберальную экономическую модель, призывали вернуться к доктрине консерватизма, противопоставляли себя союзу с правоцентристами, откровеннее защищали наследие диктатуры, пиночетизм [18, pp. 356-365]. Напряженные отношения руководства *UDI* с такими молодыми политиками как Каст привели к их разрыву с партией в 2016 г.

В 2010 г. лидер *RN* (в союзе с *UDI*) Себастьян Пиньера (2010—2014, 2018—2022 гг.) первый раз стал президентом, в 2018 г. он вновь занял этот пост. На выборах 2021 г. возшла звезда новой политической силы на правом фланге — Республиканской партии (*Partido Republicano*). Эта партия разделяет многие идеологические и политические установки гремиалистов,

а руководители республиканцев, в первую очередь сам их лидер Каст, вышли из их рядов [30, p.108]. Каст участвовал в президентских выборах 2017 г. как независимый кандидат, а в 2021 г. — уже как кандидат от созданной им и другими бывшими гremиалистами *Partido Republicano*. Перед лицом очевидного краха кандидата коалиции *RN-UDI* многие депутаты и сенаторы — гremиалисты — заявили о поддержке Каста. 2021 г., став катастрофическим для коалиции с участием *UDI* на президентских выборах и выборах учредительной ассамблеи, при избрании конгресса принес партии вполне приемлемый результат: представительство *UDI* уменьшилось, но не радикально, лидерство на правом фланге сохранилось. Особенно болезненным был провал правых на выборах в Учредительную ассамблею, которая однозначно ставит своей целью ликвидацию главного наследия Гусмана — Конституции 1981 г. *UDI* стоит перед непростой проблемой консолидации электорального успеха в конгресс и перед угрозой раскола как «послевкусия» кампании Каста и взлета популярности республиканцев, ставших реальной угрозой прежнему формату партии. Все эти процессы проходили на фоне «правого поворота» в Латинской Америке, размах и масштабы которого оказались весьма ограниченными [31; 32].

Сегодня гremиализм, находящийся на правом фланге чилийской политики, несмотря на понесенные потери сохраняет серьезные позиции. Он стал главным защитником неолиберальной модели и конституционных принципов, основанных на субсидиарности, которые неизбежно будут реформированы в ближайшие годы. *UDI* теперь не только партия прошлого, но партия «блестящего, успешного прошлого», что дает ей шанс не только пережить новый исторический этап трансформации чилийского общества, но и стать центром сопротивления. Несмотря на резкий взлет популярности республиканцев и их лидера Х.А.Каста, *UDI* сохраняет образ идеологического редута правых сил, наследника так называемого чилийского экономического чуда. Важно также отметить, что в партии немало новых, молодых политиков, готовых к диалогу не только с правыми, но и с левоцентристами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Bustamante Olguín F.G. El gremialismo y la reestructuración de la derecha chilena (1967-1970): la reaparición del corporativismo católico panhispanista. Available at: https://www.academia.edu/26498070/EL_GREMIALISMO_Y_LA_REESTRUCTURACION_DE_LA_DERECHA_CHILENA_1967_1970_LA_REAPARICION_DEL_CORPORATIVISMO_CATOLICO_PANHISPANISTA_REVISTA_MAPOCHO_N_66_SEGUNDO_SEMESTRE_2009 (accessed 07.01.2022).
2. Castro J.M. Jaime Guzmán. Ideas y política 1946-1973. Corporativismo, gremialismo, anticomunismo. T. 1, Santiago, Centro de Estudios Bicentenario, 2016, 287 p.
3. Correa Sutil S. El pensamiento en Chile en el siglo XX bajo la sombra de Portales, *Ideas en el siglo. Intelectuales y cultura en el siglo XX latinoamericano*, Buenos Aires, Siglo XXI, 2008, pp. 211-308.
4. Castro J.M. Jaime Guzmán y el primer gremialismo, *50 años de gremialismo: su influencia en la modernización chilena*, Santiago, Fundación Jaime Guzmán, 2017, pp. 77-101.
5. Boisard S. La nueva derecha chilena y la impronta de los años 1960: ¿ruptura o continuidad? *Nuevo Mundo Mundos Nuevos*. Available at: <http://nuevomundo.revues.org/68009> (accessed 18.06.2015).

6. El gremialismo y su postura universitaria en 27 preguntas y repuestas, Santiago, Universidad Gobierno Militar, 1980, 20 p.
7. Cristi R., Ruiz C. El pensamiento conservador en Chile. Seis ensayos, Santiago de Chile, Universitaria, 2015, 204 p.
8. Guzmán J. Escritos personales. Santiago, Editorial JGE, 2011, 200 p.
9. Pérez Godoy F. Valencia Narbona L. El pensamiento político de Jaime Guzmán en la formación cívica de los chilenos en dictadura, *Cuadernos de Historia*, N54, Santiago, 2021, pp. 119-145.
10. Cristi R. El pensamiento político de Jaime Guzmán, Santiago, LOM, 2000, 223 p.
11. Frontaura C. Algunas notas sobre el pensamiento de Jaime Guzmán y la subsidiariedad, *Subsidiariedad en Chile. Justicia y Libertad*, Claudio Arqueros, Álvaro Iriarte editores, S.d., Instituto Res Publica, 2016, 354 p.
12. Muñoz Tamayo V. "Chile es bandera y juventud". Efebolatría y gremialismo durante la primera etapa de la dictadura de Pinochet (1973-1979), *Historia Crítica*, N54, Bogotá, 2014, pp. 195-219.
13. Touraine A. Vida y muerte de Chile popular, México, Siglo XXI, 1974, p. 214.
14. Valdívía Ortiz V., Álvarez Vallejos R., Pinto Vallejos J. Su revolución contra nuestra revolución: izquierdas y derechas en el Chile de Pinochet (1973-1981), Santiago de Chile, LOM, 2006, 228 p.
15. República de Chile, 1974: primer año de la reconstrucción nacional, Santiago, Gabriela Mistral, 1974, 267 p. (In Russ).
16. Дьякова Л.В. Общественно-политическая мысль о модели демократического транзита и особенностях поставторитарного развития Чили, *Латиноамериканский исторический альманах*. № 21, М., 2019, сс.108-130. [Diyakova L.V. Obshchestvenno-politicheskaya mysl' o modeli demokraticheskogo tranzita i osobennostyakh postavtoritarnogo razvitiya Chili [Socio-political thought about the model of democratic transition and the features of post-authoritarian development of Chile]. *Latin American Historical Almanac*. N 21, Moscow, 2019, pp.108-130 (In Russ).
17. Huneeus C. El régimen de Pinochet. Santiago de Chile, Sudamericana, 2002, p. 670.
18. Muñoz Tamayo V. Historia de la UDI. Generaciones y cultura política (1973-2013), Santiago de Chile, ed. Universidad Alberto Hurtado, 2016, 398 p.
19. Fontaine A. El miedo y otros escritos: el pensamiento de Jaime Guzmán. *Estudios públicos*, Santiago de Chile, 1991, N42, pp. 251-570.
20. Cristi R. La síntesis conservadora de los años 70. *El pensamiento chileno en el siglo XX*. México, FCE, 1999, pp. 107-126.
21. Moncada Durutti B. Jaime Guzmán. Una democracia contrarrevolucionaria. El político de 1964 a 1980, Santiago, Ril, 2006, 273 p.
22. Flisfisch A. Tendencias ideológicas y decisiones políticas en el gobierno militar, *Análisis crítico del régimen militar*. Santiago de Chile, Universidad Finis Terrae, 1998, pp. 63-67.
23. Cristi R., Ruiz-Tagle P. El constitucionalismo del miedo, Santiago de Chile, LOM, 2014, 252 p.
24. Zaldívar A. La Transición inconclusa, Santiago de Chile, Los Andes, 1995, 313 p.
25. Mansuy D. Notas sobre política y subsidiariedad en el pensamiento de Jaime Guzmán, *Revista de ciencia política*, Vol.36, N2, 2016, pp. 503-521.
26. Larraín F.H. El legado histórico del gremialismo tras el retorno a la democracia, *50 años de gremialismo: su influencia en la modernización chilena*. Santiago, Fundación Jaime Guzmán, 2017, pp.149-164.
27. Rosas Aravena P. Violencia Política Revolucionaria en la historia reciente de Chile. Actores y formas en la transición chilena 1988-1998, *Izquierdas*. №50, agosto 2021. pp. 1-29. Available at: <http://www.izquierdas.cl/images/pdf/2021/n50/art46.pdf> (accessed 02.01.2022).
28. Molina Vera N. Del gremialismo "apolítico" a la estrategia de transformación en partido político de la Unión Demócrata Independiente (UDI), *Revista de estudios políticos y estratégicos*, N3 (2), 2015, pp. 50-73.
29. Gómez Leyton J.C. La derecha política en la sociedad neoliberal chilena, 1990-2010. *Observatorio latinoamericano*, N8, Buenos Aires, 2011, pp. 196-212.
30. Campos Campos C. El Partido Republicano: el proyecto populista de la derecha radical chilena. *Revista Uruguaya de Ciencia Política*, N30 (1), Montevideo, pp. 105-134.

Андрей Щелчков

31. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Правый поворот в Латинской Америке: история и современность. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, М., 2020, т.11, Выпуск 5(91). [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Pravyj povorot v Latinskoj Amerike: istoriya i sovremennost' [Right-Wing Turn in Latin America: History and Contemporaneity]. *ISTORIYA*, 11.5 (91), Moscow, 2020. Available at: <https://history.jes.su/s207987840010177-3-1/> DOI: 10.18254/S207987840010177-3 (accessed 02.04.2022). (In Russ).

32. Кузнецов Д.А., Кабанов И.С. Последствия «правого поворота» в Латинской Америке: региональное и глобальное измерения, *Латинская Америка*. М., 2022, № 2. сс.52-67. [Kuznecov D.A., Kabanov I.S. Posledstviya «pravogo povorota» v Latinskoj Amerike: regional'noe i global'noe izmereniya [The consequences of Latin America's "right-wing turn": the regional and global scopes]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, N 2, 2022, pp.52-67. (In Russ).

Andrey A.Schelchikov (sch2000@mail.ru)

Doctor in History Studies, investigator of Institute for World History of the Russian Academy of Science, Researcher ID: T-8612-2018

Leninsky pr., 32 a, 119334 Moscow, Russian Federation

Jaime Guzmán, gremialism, the legacy of dictatorship in modern Chilean politics

Abstract. The movement, called gremialism, was the "new right" that proposed revolutionary changes in society, thanks to which the possibility of a return to power of left-wing Marxist parties should be excluded. Today, an important place on the political scene of Chile is occupied by the successor of the gremialist movement, the Party of the Independent Democratic Union (*Unión Demócrata Independiente, UDI*). The *UDI* became a political force based on the broad masses of the people, which greatly distinguished it from other right-wingers. The integrity of the doctrine and political consistency ensured the survival of *UDI* on the political scene. This article presents an analysis of the ideological evolution of the gremialist movement, the ideological and political activities of its founder and leader Jaime Guzmán, the author of the Pinochetist constitution of 1981, J. Guzman and his supporters consistently implemented the principles of subsidiarity of the state and the new institutionalism adopted by the military dictatorship of Augusto Pinochet and became the basis of the political and social system of Chile.

Key words: gremialism, subsidiarity, corporatism, Pinochet, Jaime Guzmán, right-wing forces.

DOI: 10.31857/S0044748X0020408-7

Received 21.01.2022.